

Александр Братерский

ОБРАЗОВАННАЯ полвека назад Германская Демократическая Республика подобно мифической Атлантиде исчезла с лица земли. Но остался герой, имя которого навсегда будет вписано в ее историю. Это легендарный Гойко Митич, создавший на восточно-германском голубом экране бессмертный образ «настоящего индейца».

Он родился в одном из самых благополучных городов бывшей Югославии — Загребе. Будучи студентом института, получил приглашение сняться в западногерманском сериале о жизни краснокожих, поставленном по роману немецкого писателя Карла Мая. Несколько лет спустя, уже по другую сторону Берлинской стены, он стал тем, кого на протяжении нескольких десятилетий люди в странах Восточного блока и в Советском Союзе воспринимали как «индейца из ГДР».

Холодная и расчетливая Германия, пусть Восточная, пусть даже совсем «наша», сама того не ведая, создала героя, который своей популярностью заткнул за пояс всех вождей ГДР, вместе взятых. Сначала все выглядело достаточно безобидно: молодой немецкой республике действительно нужны герои, но руководство страны отлично понимало, что сериалами о жизни Эрнста Тельмана трудно привлечь зрителей. Выпуск «Индийской серии» начался национальной студией ГДР «ДЕФА»

САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Гойко Митич, как все индейцы, должен был молчать

Независимая газета. — 2000. — 13 янв. — с. 16

в 1965 году и продолжался до 1983 года. Зрители получили наконец великолепное развлечение на манер западных «вестернов», однако с более политически корректной направленностью: бледнолицые, которые в западных фильмах были добрыми «ковбойцами», здесь оказывались злыми и беспощадными завоевателями, а индейцы — храбрыми и смелыми воинами, защищавшими родную землю. Положа руку на сердце, можно с уверенностью сказать, что, несмотря на наигранность, подобный расклад сил соответствовал исторической правде. Фильмы эти создавались коллективными усилиями: большинство из них снималось в горах бывшей Югославии, лошади были русскими, а бледнолицых врагов доставалось играть все тем же немцам. Единственным утешением было то, что среди восточно-германских женщин было очень много красивых и теоретически каждая из них могла стать подружкой великолепного Гойко. Тем, кому повезло, завидовали красивые девушки из Вологды, Костромы и Новосибирска, вздыхавшие при виде мускулистой фигуры «последнего из могикиан» с его гордым профилем и черными до плеч волосами.

Когда дети просили взрослых пойти в кинотеатр на воскресный днев-

Гойко Митич в роли вождя апачей.

ной сеанс, те никогда не отказывались. Отказаться было трудно, потому что, несмотря на «детские», плохо дублированные монологи, в глазах Гойко Митича было что-то, что заставляло смотреть на экран. Я пытался найти это «что-то», несколько раз просматривая кассету любимых с детства «Апачей» двадцатилетней давности, но так и не нашел. После детского любования бесстрашными краснокожими я пытался было понять фильм «по-пелевински», но все равно enigma Гойко Митича осталась для меня неразгаданной.

Ясно только одно: как и тогда, в индейце меня подкупала простота, какой не могут похвастаться вычурные Ван Дамм и Сильвестр Сталлоне, разбивающие морду в кровь «за идеалы справедливости», как это понимают в Голливуде, вместо того чтобы изящно натянуть тугую тетиву лука. Создатели же двенадцати «индейских фильмов», хотя и следовали голливудским канонам «вестерна» с его погонями и выстрелами из револьверов в плохих парней, отрицали подобную справедливость. Один из самых модных и талантливых российских режиссеров Валерий Тодоровский не побоялся признаться в интервью продвинутому молодежному глянцево-му журналу, что в детстве с удовольствием смотрел фильмы с участием Митича.

В эпоху популярности Тарантино такое признание совсем нелегко сделать: герои массового кинематографа плодятся не по дням, а по часам и в модных кругах цитируют отрывки из «Криминального чтива» уже так часто, что хочется вдруг назло всем сказать, что «кто-то отравил воду в колоде». Однако массовое телевидение уже не считает, что «хороший индеец — это мертвый индеец», и фильмы с участием «легендарного Гойко Митича» совсем недавно стало демонстрировать Ren-TV. Не оста-

ют и предприимчивые прокатчики: они продают эти фильмы на видеокассетах в уличных киосках, где их можно обнаружить стиснутыми между каким-нибудь «Страхом и ненавистью в Лас-Вегасе» и «Матрицей». Все эти названия не отражают в моем сознании ровным счетом ничего, и только великий Эмир Кустурица с его «Подпольем» и «Снами в Аризоне» стоит ближе всех к герою Митича, объединенный с ним общим «югославским» происхождением. И тот и другой кажутся мне детьми абсурда: один югослав играл индейца в нелепых восточногерманских фильмах, другой снимает фильм о подполье, существующем вне пространства и времени. Оба — «настоящие индейцы», «последние из могикиан», поднявшиеся с копьями и луками против пушек и ружей, против всеуничтожающей машины Голливуда.

Подобно героям «Подполья» Кустурицы, которые даже после окончания войны думают, что до сих пор сражаются в партизанском отряде, Митич до сих пор верит, что он индеец. Несмотря на свои шестьдесят два года, гарцуя на лошади в индейском оперенье, он принимает участие в ежегодном германском фестивале, посвященном творчеству Карла Мая, который, как известно, писал свои индейские романы в одной из германских тюрем, где сидел за мошенничество, и брал большинство своих историй прямо из головы. Знал ли об этом Митич, когда играл вождя Оцеолу или Текумсе? Знал, конечно, но он был индеец, а индейцы должны молчать.

13.1.2000

Митич Гойко